

КОНТЕКСТ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ

В.М. КАПИЦЫН

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОТЕНЦИАЛА ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ НА «НОВОМ ШЁЛКОВОМ ПУТИ»

Суть исследования

Реализация масштабных проектов, охватывающих значительные пространства, – серьезное испытание как для внутренней политики отдельных государств, так и для формирования международных интеграционных объединений. Такие проекты тестируют сохранение (усиление) социетальной сплоченности и способность к межгосударственному согласованию, лидерству, демонстрации преимуществ интеграционных проектов.

Так, в истории России подобным испытанием была реализация проектов строительства железных дорог, когда в рекордные для того времени сроки (1891–1905) построили Транссибирскую магистраль (более 9 тыс. км, значительная часть с трудным рельефом). Она включала тогда и южную ветку – Китайско-восточную железную дорогу (КВЖД), соединявшую Читу и Владивосток через Харбин (Маньчжурию, территорию Китая). Ранее (1881–1891) была построена Закаспийская железная дорога от Каспия через пески Туркмении в Ташкент (Красноводск – Ташкент) в 1,5 тыс. км. А в 1900–1908 гг. была проложена и дорога Оренбург – Ташкент. Такие масштабные изменения показали способность государства

осваивать огромные территории, поддерживать устойчивые связи между народами и государствами.

Отголоски подобных проектов, влиявших серьезнейшим образом на развитие России, Центральной и Восточной Азии, до сих пор помогают выстраивать международные отношения. Спустя много лет данные маршруты, модернизированные и разветвленные, могут включиться в грандиозный проект первой четверти XXI в. – «Экономический пояс Шёлкового пути» (далее – «Экономический пояс»). Он призван связать в единую сеть, отвечающую современному уровню науки и техники, сухопутные (континентальные) маршруты Азии и Европы. Магистралы КНР, России, Белоруссии, Индии, Ирана, Пакистана, Турции, государств Центральной Азии (ЦА) и Юго-Восточной Азии (ЮВА) должны по проекту составить сеть современных путей сообщения и логистики, подключаясь к европейским железным дорогам, автобанам, морским портам на Балтике и в Средиземноморье. Вдоль этого пути в Евразии проживают 3 млрд человек; уникальны масштабы рынка [Си Цзиньпин, 2014, с. 237]. По существу, такой проект выступает как «интеграция евразийских интеграций» (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, а в определенной мере также СААРК и АСЕАН).

В исследовании масштабного континентального формата, затрагивающего столько государств, несомненно, проявляется компаративистский аспект. В реализации международных проектов проявляются способности разных государств инициировать идеи и программы, заинтересовать соседей в сотрудничестве. А это зависит от потенциала интеграционной политики государств как своеобразного внутривнутриполитического и внешнеполитического проявления состоятельности государств.

Цель статьи – показать теоретико-методологические подходы к характеристике потенциала интеграционной политики некоторых государств, подключающихся к проекту «Экономический пояс».

Гипотеза статьи такова: в контексте проекта «Экономического пояса» потенциал интеграционной политики государств можно характеризовать, оценивая геополитическое положение, особенно внутриполитической обстановки и развития экономики страны, состояние отношений между государствами, транспортной инфраструктуры и логистики, опыта международной интеграции и коллективной безопасности. Исходя из этого, как представляется, самым перспективным в «Экономическом поясе», с учетом потен-

циала интеграционной политики государств, становится «северный» маршрут Китай – Казахстан – Россия (выход на Балтику) – Белоруссия (выход в Западную Европу). Он более перспективен, чем открытый в 2015 г. «южный» маршрут «Экономического пояса» – железнодорожный путь Китай – ЦА – Иран – Турция, хотя последний и выходит в порт Средиземного моря. «Северный» маршрут более перспективен и по сравнению с возможным поворотом континентального пути из Китая на дорогу Кыргызстан – Узбекистан – Туркменистан – Каспий – Азербайджан – Грузия – с выходом к портам Черного моря.

Методологическая парадигма статьи опирается на холистские послышки и системный подход. Они помогают учитывать, с одной стороны, анархистские и функционалистские начала реализма, с другой – иерархизм в геополитике, неомарксистских и антропологических теориях (с их вниманием к дихотомии «центр – периферия»). Все это помогает использовать также евразийские идеи и конструктивистскую рефлексию.

В компаративном анализе всегда возникает проблема масштаба сравнения. Срабатывают законы логики: с увеличением объема понятия сужается глубина проникновения в содержание и анализа отличительных признаков. Нелинейные перспективы не отменяют такие ограничения. Универсальные сравнения, даже при возросших возможностях количественного анализа, снижают качество сравнения [Политический атлас современности, 2007, с. 14]. Учитывая масштаб континентального мегапроекта, его широкий геополитический контекст, сосредоточим внимание на государствах, непосредственно расположенных по маршруту Китай – ЦА (прежде всего Казахстан) – Россия (на Смоленск и Санкт-Петербург) – Белоруссия. Постараемся показать, что эти государства обладают серьезным потенциалом интеграционной политики, превышающим потенциал государств на других маршрутах.

Геополитические аспекты исследования

Начнем с геополитического контекста «Экономического пояса». Он обуславливает географическую направленность интеграционной политики.

Протяженность России между тремя океанами (Атлантическим, Тихим, Северным Ледовитым) и Хартлендом Евразии долгое время, особенно с 1991 г., контрастировала с односторонней ориентацией экономической активности в основном на Европу. Хотя с 1991 г. Россия, по сравнению с СССР, стала более ограниченной в возможностях выхода на западные морские пути (многие балтийские и черноморские порты остались за рубежом), экономическая инерция сохранялась и при таком суженном состоянии «окон в Европу». Потенциал морей на Дальнем Востоке, открывавших России геополитический простор, слабо использовался, несмотря на бурное экономическое развитие АТР. Инфраструктура Дальнего Востока отставала. России удалось частично сократить отставание в ходе развития Владивостока и Сахалина, хотя далеко не все возможности использованы, в основном из-за недостатка инвестиций. При нестандартной интерпретации «Экономического пояса» он может служить России и в Сибири, и на Дальнем Востоке в результате подключения через Алтай, Забайкалье (и Монголию), Приамурье, Приморье к разветвленным магистралям Китая, а через них – Индии и ЮВА. Для КНР и стран ЦА выгодны сухопутные выходы в порты не только Балтики и Черного моря, но и Дальнего Востока. Известен потенциал Сибири в поставке энергоносителей в КНР. Россия при умелом использовании «Экономического пояса» сможет активизировать сотрудничество в ЦА.

В Китае мы видим другую, в основном противоположную геополитическую асимметрию: бурное развитие прибрежного Востока и отставание континентального Запада (Синьцзян и Тибет). Порты Южно-Китайского и Желтого морей стали основными экспортно-импортными «окнами», в том числе и для морского снабжения страны энергоносителями из Ближнего Востока. Но у КНР нет достаточно свободных, «нестесненных» выходов в море, дающих возможность эффективно использовать тихоокеанские пути, как, например, у России. Соседство островных и полуостровных государств (Япония, Филиппины, Индонезия, Малайзия, Вьетнам, КНДР, Южная Корея), а также квазигосударства Тайвань, узкие проходы между островами – все это серьезно ограничивает использование КНР морских маршрутов. На пути к ближневосточной нефти немало хлопот доставляют пираты. Кроме того, сильный ВМФ США контролирует данное морское пространство, защищая интересы своих союзников с помощью авианосцев и военных баз.

КНР необходимо в стратегическом плане и экономически выгодно развивать свой «запад», активнее использовать дальневосточные порты России, диверсифицировать поставки энергоносителей с помощью России и ЦА.

ЦА как «сердце» евразийского Хартленда соединяет кратчайшим путем «запад» КНР и ЮВА с Россией, Европой, Закавказьем, Каспием. «Экономический пояс» наиболее полно включает транзитный потенциал ЦА, особенно Казахстана и Киргизии, повышает безопасность и всего региона, и каждой страны. Страны ЦА граничат с Синьцзяном, нестабильным регионом КНР. Они располагают разветвленными дорогами и трубопроводами, связывающими их между собой, с Россией и КНР. Казахстан с Россией связывает несколько железных дорог, в том числе трансроссийская дорога, проходящая через территорию Казахстана. Включение ЦА в мегапроект «Экономического пояса» – это «новое открытие Хартленда». Страны ЦА могут существенно выиграть от реализации этого проекта.

Через Белоруссию «северный» маршрут «Экономического пояса» выходит в Польшу и Западную Европу. После кризиса на Украине в 2014–2015 гг. значение потенциала интеграции Белоруссии намного возросло. Белоруссия, в сравнении с Украиной, наглядно показывает зависимость реального потенциала интеграционной политики от состоятельности государства. Белоруссия разрывает общую линию изоляции России, выстроенной НАТО с помощью Балтии, Польши, Румынии, Болгарии, Грузии, а теперь и Украины.

Отношения КНР с другими государствами Евразии, вовлекаемыми в проект, оказываются по разным причинам гораздо сложнее: а) «замороженные» пограничные споры с Индией контрастируют с урегулированными спорами КНР, России, государств ЦА; б) стабильные отношения КНР – Пакистан осложняются действиями талибов и внутренней нестабильностью данного соседа; в) вовлечение в проект Афганистана затруднено из-за продолжающейся гражданской войны; г) отношения с государствами ЮВА осложнены серьезными территориальными спорами как на суше, так и на море. Все это ослабляет потенциал их интеграционной политики.

Социокультурные рамки в оценке потенциала интеграции

Полезно обращение к историческим и социокультурным аспектам Евразии. Например, историки Китая и ЮВА (Мин Шу, Су Бейхай, Хуан Янхуа, Дж. Миллвард и др.) пишут о «трибутных соглашениях». Этот термин трактуют по-разному. Западные авторы называют их «символическими», связывают с «дарами» (gift-relation) [Millward, 2007, p. 73, 75]. Некоторые специалисты считают, что за трибутными соглашениями скрываются вассальные отношения (fanshu), которые включают тесные экономические и культурные связи, отраженные в особенностях китайской цивилизации [Su Beihai, Huang Jianhua, 1993, p. 54].

Су Бейхай и Хуан Янхуа рассматривают трибутные соглашения не только в плане совместных военных и дипломатических действий. Так, соглашения уйгурских княжеств Турфан, Хами, Минского Китая, Тимуридов отражали торговую зависимость от монополии Китая в производстве шелка и других товаров, поставившихся в Европу и другие регионы до XVII в. в основном через Турфан и Кашгар. На наш взгляд, больше соответствует действительности интерпретация трибутных соглашений, когда их рассматривают в контексте восприятия Китая как империи, обеспечивающей защиту и внешний арбитраж для соседних народов [Min Shu, 2011, p. 229]. Они могут трактоваться как далекие предпосылки региональной интеграции вокруг доминирующих государств, что помогает разрабатывать формы, учитывающие международное право и цивилизационный опыт.

Интеграционные проекты должны иметь органичные предпосылки – «горизонтальные» связи людей: территориальные (отсюда возникают пути сообщения и простые логистические схемы), антропологические (демографические, этнические, миграционные), духовные (культурные, религиозные), производственные (разделение труда, обмен товарами). Такие связи стимулируют интеграцию (приграничные связи жителей), хотя по своему генезису зависят от местного контекста.

Такая «горизонтальная» анархичная сила прокладывала древние трансграничные пути (Шёлковый путь). В 1990-е годы после развала СССР индивидуальные поставщики товара («челноки») стали творцами интеграции рынков товаров и труда, «пионерами» возрождения Шёлкового пути. Первичная сила приграничного со-

трудничества помогает и в формировании регулирующих иерархий («вертикалей») интеграции. Трансграничные массовые устремления индивидов и групп требовали «вертикальной» регуляции местных и центральных властей, а также региональных объединений. Эти регуляции могут включать в себя некие неотрибутные системы, соединяющие анархии и иерархии.

В связи с развитием сетей трансграничных связей людей и негосударственных акторов оформляются «вертикальные» регуляции. Люди и организации выступают как граждане и резиденты (нерезиденты) государств в индивидуальном и коллективном (корпоративном и транскорпоративном) качестве, используют национальную и иностранную валюту. Миграция, смена гражданства, проникновение ТНК в разные страны, международные сделки хозяйствующих субъектов – все это стимулирует государства поддерживать свои суверенные «вертикали» (пограничные, таможенные, санитарные, ветеринарные, служб безопасности, миграционного контроля и т.д.). Есть государственные регуляции, отвечающие за сотрудничество и международную интеграцию (министерства, комитеты парламентов, службы). Возникают «вертикали» интеграционных образований регионального масштаба (СНГ, ШОС, ЕАЭС и др.).

Противоречия между «горизонталями» и «вертикалями» в случае Китая и ЮВА исследовались, в частности, в работах Э. Рида [Reid, 2004]. Контроль государств ограничивает активность анархичных трансграничных «горизонталей». Так, таможенный и пограничный контроль тормозит транзит грузов и пассажиров. Негосударственные сетевые анархии пытаются уходить от контроля государственных иерархий.

Данные рассуждения помогают аргументировать выводы о том, что сотрудничество России, Белоруссии, государств ЦА, КНР формирует реляционные анархии и иерархии, полезные для структур интеграции. При сравнении отношений КНР с государствами на других маршрутах «Экономического пояса», а также «Морского Шелкового пути» можно показать преимущество «северного» маршрута, более высокий потенциал интеграционных политик России, ЦА, Белоруссии.

Реляционные анархии и иерархии выражаются в проблеме консолидации (деконсолидации) обществ. Э. Гидденс обозначает противоречие процессов и структур (дихотомия «солидарность территориальная versus солидарность движений») как «разукоре-

нение» (disembedding) [Giddens, 1990, p. 21]. Оно вырастает до масштабов противоречия государственного суверенитета, национальной идентичности и глобализации. Хуа Шофэн пишет о значении «силы сцепления народа» и «силы согласованности элиты» [Портяков, 2014, с. 9], а М. Кастельс обнажает противоречие локальности «национальных масс» и «космополитизма элиты» [Кастельс, 2000].

«Разукоренение» (disembedding) усиливается и усложняется, если западные по своему происхождению институты и механизмы переносятся в восточные общества. Обозначим особенности Азии, влияющие на региональную интеграцию.

1. Евразийские и азиатские государства формировались на основе исторических связей многих *коренных* народов, верований, социальных групп, более разнообразных и многочисленных, чем при формировании западных государств. На просторах России проживают более 150 народов, большинство из которых *коренные*. Исследователи Индии пишут о существовании в ней 600 официально признанных племен и многих сотен более мелких, говорящих на 300 языках [Бейлз, 2006, с. 205]; а также о 52 крупных племенах, 6400 кастах и полукастах, говорящих на 1654 языках¹ [Singh, 2010]. Сложность социальных и этнических структур обществ характерна для Китая (особенно Синьцзяна), стран ЦА.

2. Народы в странах Азии исторически более тесно связаны с территорией проживания, обладают более устойчивыми этническими особенностями по сравнению с народами западных стран, более ревностно сохраняют этнокультурную специфику, своеобразие территориальных и родовых коллективов (общин). Одна из особенностей – коллективная хозяйственная и социальная деятельность (владение землей, содержание оросительных систем, пастбищ, храмов, организация помощи и праздников) [Нурулла-Ходжаева, 2012; Meurs, 2001; Пак Чан Кю, 1998]. В XX в. в России и ряде стран Азии вводились социалистические формы хозяйствования. Их замена правовым индивидуализмом, разрушающим коллективное владение [Веретевская, 2010, с. 153], не решает проблемы [Ханн, 2011].

---

¹ В данном отношении, наряду с Индией, такое множество своеобразных локальных «анархий» характерно еще для Индонезии, состоящей из 17 тыс. островов, сообщества которых значительно различаются в социокультурном плане.

3. Тем не менее обилие «анархий» местных привязанностей в данных обществах не помешало воспроизводить оригинальные «вертикальные» регуляции, учитывающие этнокультурные особенности. Ряд состоявшихся государств в Азии, сохранив социокультурные особенности мест, не фрагментировались, сохраняют состоятельность (целостность и управляемость). Более того, шло становление великих держав, государств – локомотивов региональной интеграции. Хотя сохраняются определенные трудности, порождающие этнонациональные конфликты, возникновение сепаратизма, в целом опыт такой «вертикальной» регуляции полезен для потенциала интеграционной политики.

В частности, Индия, Россия, КНР, Казахстан, Иран удерживают целостность больших территорий и крупного народного хозяйства, несмотря на центробежные индивидуальные стремления, стратегии организованных групп (корпораций, этносов, диаспор), разноплановую и неустойчивую линию международного сообщества и внешних сил. Опора на сильный суверенитет может давать преимущества в интеграции, помочь стать «локомотивами» региональной интеграции, а также включиться в процесс «интеграции интеграций». Возможно, некие нео-трибутные связи способствуют становлению международно-правового равенства, хотя в политико-экономическом плане выявляются государства с доминирующей интеграционной ролью.

Исходя из изложенного, введем тезисы:

а) целесообразно рассмотреть, прежде всего, потенциал интеграционной политики государств, выступающих «локомотивами» интеграции. В силу этого в исследовании «северного» маршрута «Экономического пояса» оценка таких потенциалов будет в большей степени замыкаться на «горизонтальных» и «вертикальных» связях, воспроизводимых активностью, прежде всего, КНР, России, Казахстана;

б) актуально изучение исторически сложившихся региональных образований, создающих внешнее интеграционное притяжение благодаря характеру своих «горизонтальных» связей (особенностей территории, населения, культуры, производства), а также «вертикальных» государственных и межгосударственных регуляций, к которым следует отнести ЦА, в которой доминирующий актор интеграции – Казахстан;

в) в большинстве интеграционных проектов России и Казахстана важную роль играет Белоруссия (состоятельное государство), способное стать надежным звеном в проекте «Экономического пояса».

К теории оценки потенциала интеграционной политики

Потенциал интеграционной политики определим как совокупность ресурсов дипломатического, экономического, технологического, культурного, информационного, демографического, военно-политического характера, создающих возможность для участия в интеграции, прямого и косвенного влияния на вовлечение государств во взаимовыгодную кооперацию.

Какие из разработанных индексов можно использовать для оценки потенциала интеграционной политики?

Экономические индексы интеграции в основном сводятся к объему экспорта-импорта (объем внутрирегиональной торговли, индекс региональной торговли, доля регионального интеграционного объединения в мировой торговле) [Капица, 2008, с. 70–73], что явно недостаточно для нашего исследования. Есть разработки моделей реализации потенциала интеграции, основанных на учете интересов интегрирующихся государств, из чего вытекают экономические предпосылки выбора секторов и отраслей интеграционного взаимодействия. В нашем случае речь идет о проекте, который трудно сравнить с действующими объединениями. Тем не менее выводимые в вышеуказанном исследовании модели отражают некоторые компоненты потенциала интеграционной политики и применимы к «Экономическому поясу», в частности *«совместное развитие инфраструктуры для расширения взаимной и внешней торговли»* [Анализ стратегий... 2014, с. 4–9].

Из вышеизложенного вытекает, что «Экономический пояс» может быть успешен не только при учете экономического и инфраструктурного потенциала. Важно учитывать и способность государств сочетать внутренний потенциал консолидации, защиту от сепаратизма и международного терроризма, «цветных революций» с открытием своей экономики и политической системы навстречу внешним связям.

Введем индексы, оценивающие социокультурные и политические реалии региональной интеграции, включая их в комплекс-

ную оценку потенциалов интеграции. Используем, во-первых, показатели, характеризующие прочность режимов государств: *индекс государственности, индекс внутренних и внешних угроз; показатели отнесения государства к великим (державам)*. Они включают в себя переменные, прямо влияющие на внутреннюю интеграцию обществ и опосредованно – на потенциал государств в интеграции. Во-вторых, возьмем еще переменные, прямо влияющие на потенциал интеграционной политики: *потенциал международного влияния, эффект взаимодополнения экономик и политик, предложение выгодных территориально-логистических схем, «барьерность» государственных структур, опыт международной интеграции государства*.

Индекс государственности определяет способность государства обеспечивать самостоятельное решение внутренних и внешних задач [Политический атлас современности, 2007, с. 71]. Без этого оно не обеспечит социальную консолидацию, что снижает способность стать «локомотивом» региональной интеграции. Индекс включает в себя *экономические* и *политические* показатели. *Экономические*: *доля внешней помощи в ВНД государств, внешняя долговая зависимость, отношения заявок на патенты резидентов и нерезидентов, режим привязки национальной валюты* [там же, с. 72, 77]. Перечень дополним переменной *«зависимость от зарубежных поставок энергоносителей»*.

К *политическим* показателям ученые отнесли: *время существования суверенной государственности, внутренние конфликты (наличие и масштабы жертв), территориальное выражение внутренних конфликтов (сепаратизм), влияние внутренних конфликтов на стабильность режима, наличие на территории страны иностранных военных контингентов, доля доминирующего этноса в структуре населения страны*. К этому перечню добавим *«степень выраженности национальных интересов»* (в документах и государственной политике), а также вводимые Хуан Шофэнэом показатели *«сила согласованности» (способность правящей элиты проводить скоординированную политику)* и *«сила сцепления народа»* [Портяков, 2014, с. 9]. Важны также характеристики служб безопасности, в частности данные о предотвращении террористических актов, борьбе с наркотрафиком, ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Индекс внешних и внутренних угроз используется исходя из того, что государство, подверженное значительным угрозам, теряет часть потенциала интеграции. Индекс, по версии ученых МГИМО, включает переменные:

– *угрозы территориальной целостности* (вооруженная агрессия, территориальные претензии государств, терроризм, нелегальные сепаратистские движения, антиправительственные НПО, попытки неконституционной смены власти);

– *экономические угрозы* (несбалансированный экспорт, хроническое отрицательное сальдо платежного баланса);

– *угрозы безопасности человека* (продовольственная зависимость, проблемы со снабжением водой, социальные болезни, эпидемии, сокращение населения, неконтролируемая миграция);

– *экологические угрозы и угрозы природных катастроф* (размещение территории страны в зоне повышенной опасности стихийных бедствий).

Этот индекс дополним переменной «*угрозы информационной безопасности*»: вредоносные программы, кибер-атаки, радиоэлектронное вмешательство, негативный контент, информационный спам. Россия, Индия и КНР обладают опытом защиты от информационного оружия и сотрудничают в этом направлении.

В плане расчета данных индексов важно найти *сопряженность* переменных (признаков) и влияние ее на потенциал интеграции. Необходимо показать зависимость между переменными, в том числе между способностью государств активно участвовать в региональной интеграции в соответствии со своими национальными интересами и способностью выполнять роль «локомотива» интеграции. С индексом *государственности* и индексом *угроз* коррелирует *индекс потенциала международного влияния*.

Он включает в себя:

– *экономический потенциал* (доля в мировом валовом внутреннем продукте, доля в мировом экспорте товаров и услуг);

– *участие в международных структурах* (статус постоянного члена СБ ООН, доля взносов в бюджет ООН, доля голосов в принятии решений МВФ, членство в Парижском клубе кредиторов);

– *военно-силовой потенциал* (военные расходы, численность регулярной армии, ядерное оружие, наличие авиации последнего и предпоследнего поколения, постоянное размещение за рубежом значительных контингентов – более 500 военнослужащих);

– *человеческий потенциал* (наличие нобелевских лауреатов, доля населения страны от общей доли населения мира) [Мельвил, 2006].

Характеристику военно-силового потенциала дополним оснащенностью армии и флота новой техникой, наличием космических войск и киберподразделений. К переменной «человеческий потенциал» отнесем уровень образования в государстве; успехи школьников (студентов) в международных научных олимпиадах; профессиональную квалификацию иностранных трудящихся-мигрантов; долю иностранцев в учебных заведениях (повышающих квалификацию).

Имеются также аналитические оценки *державности* государств и *комплексной мощи государства* (Т.А. Шаклеина, В.Я. Портяков, Ма Чжэньган). Они коррелируют с индексами *государственности* и *потенциала международного влияния*. Для «великой» державы характерны:

– сохранение высокой степени самостоятельности в проведении внутренней и внешней политики, обеспечивающей национальные интересы и оказывающей существенное влияние на мировую и региональную политику и политику отдельных стран;

– обладание всеми или значительной частью традиционных параметров территории, населения, природных ресурсов; военный, экономический, научно-технический и информационный потенциал;

– воля к проведению самостоятельной политики;

– исторический опыт, менталитет, традиции и культура участия в мировой политике в качестве решающего и / или активного игрока (традиция и культура думать и действовать глобально) [Шаклеина, 2011].

Показатель комплексной мощи государства включает в себя экономическую, научно-техническую, военную мощь, ресурсы социального развития, регулирующую мощь правительства, силу дипломатии, динамику (годовой прирост) комплексной мощи государства [Портяков, 2014, с. 9].

Китай, Россия, Индия по многим показателям к 2015 г. вышли на статус мировых великих держав. Иран и Казахстан близки к становлению в качестве региональных держав.

Важен показатель *взаимодополнения экономик и политик государств*. Так, развитый ВПК России позволяет поддерживать экспортные возможности, конкурентоспособность на рынке вооружения, организацию выставок у себя и участие в зарубежных

выставках. Известен эффект взаимодополнения на примере поставки энергоносителей. Энергоносители из России, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана поставляются в Китай. Развитая атомная энергетика в России создает дополнительные возможности региональной интеграции. Обмен России с государствами Азии смягчил последствия экономических санкций ЕС и США.

«Экономический пояс» направлен на то, чтобы усилить эффект взаимодополнения экономик и политик. Этот вопрос выводит анализ на проблему «сопряжения» проектов ЕАЭС и «Экономического пояса»¹. По этому вопросу велись переговоры КНР и России. С одной стороны, просматривается конкуренция за транспортные потоки и инвестиции между магистралями «Экономического пояса», Транссиба и БАМа. С другой стороны, Россия расширяет возможности строительства дорог в Монголию, Китай, Индию, страны ЮВА. Потенциальный рост объема товароперевозок обеспечит загрузку и привлечение инвестиций для Транссиба и БАМа, Сибири и Дальнего Востока. 8 мая 2015 г. В.В. Путин и Си Цзиньпин подписали Совместное заявление о сотрудничестве по «сопряжению» строительства ЕАЭС и «Экономического пояса», что влечет подписание более 40 соглашений. Взаимодополнение экономик и политик в «Экономическом поясе» создает возможности мобильности и диверсификации объемов и маршрутов поставок различных изделий. Учитывая, что «Экономический пояс» сопрягает энергетические, транспортные, торговые «коридоры» между Азией и Европой, можно раскрывать перспективы оптимизации подобных направлений в рамках ЕАЭС.

Индекс барьерности на пути интеграции обозначает показатели, характеризующие административные факторы, прямо или косвенно снижающие потенциал интеграции. В литературе обозначают влияние административных барьеров на развитие бизнеса, доступность ресурсов для хозяйствующих субъектов [Жанкубаев, 2013], становление теневой экономики [Найденев, Кривенко, 2013]. Есть и другие показатели, которые можно объединить в измерении барьеров, препятствующих интеграции. В частности, барьеры

---

¹ Значение термина «сопряженность» подразумевает корреляционный и дискриминантный анализ последствий реализации названных проектов, чем занимаются как отраслевые специалисты (транспорт, энергетика, торговля), так и специалисты по безопасности и политологи.

трансграничных транспортных связей ужесточаются в связи с чрезмерностью регуляций, технических ограничений, злоупотреблениями сотрудниками служб.

Показателем потенциала интеграционной политики является *предложение территориально-логистических схем и инфраструктуры* трансграничных перевозок. Это зависит не только от географии, но и от организации рынков, земельных отношений, строительства дорог, логистических центров, транспорта, подготовки специалистов. Замысел «северного» маршрута «Экономического пояса» начинает реализовываться. Проектируется строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Казань (часть магистрали Минск – Пекин), финансируемое также КНР. Китайская часть магистрали (3200 км) построена. С 2013 г. действует дорога Чэнду – Европа: из контейнерного пункта Цинбайдзянь поезда везут грузы через Казахстан, Россию, Белоруссию в польский г. Лодзь [Захарова, 2015].

Строится автомобильный коридор «Европа – Западный Китай» (8400 км) через Санкт-Петербург, Москву, Нижний Новгород, Казань, Оренбург, Актобе, Кызыл-Орду, Алматы, Хоргос, Урумчи, Ланьчжоу, Чжэнчжоу, Ляньюньган (порт на Желтом море). Российский участок намечается закончить к 2020 г.; казахстанский – к 2016 г. [Лебедев, 2015]. Магистраль Ляньюньган – Хоргос до границы с Казахстаном (4393 км.) уже действует с 2004 г. Из Синьцзяна построены автомагистрали в Киргизию, Казахстан и Киргизстан [Кравченко, 2015]. В Синьцзяне строится 12 скоростных автомобильных дорог для связи с ЦА; увеличивается пропускная способность 17 КПП на границе Синьцзяна и ЦА [Верхотуров, 2007].

Примером сопряжения данного показателя с индексом *внешних и внутренних угроз* является сравнение двух маршрутов «Экономического пояса». Через ЦА и Иран проходит с 2015 г. железная дорога «Западный Китай – Турция» с выходом в Средиземное море. Несмотря на ее логистическую привлекательность, некоторые участки могут подвергаться угрозам со стороны экстремистов из Афганистана, Пакистана, Ирака, Сирии. В частности, Военная доктрина Казахстана указывает на такую угрозу в сопредельных странах [Военная доктрина Республики Казахстан, 2011]. С учетом переменной *внешние и внутренние угрозы* обозначается снижение интеграционного потенциала государств на данной магистрали.

В плане безопасности она уступает «северному» маршруту из Китая в Европу.

Показатель *опыт международной интеграции* включает: *длительность интеграционных связей государства, направления участия, роль в интеграционном образовании, квалификация специалистов, совместные предприятия*. Известен опыт России, Белоруссии и Казахстана в реализации проектов СНГ, ЕврАзЭС, Единого экономического пространства, Таможенного союза, ОДКБ, ЕАЭС. Еще в рамках ЕврАзЭС выполнен ряд программ, разработаны направления упрощения процедур в области внешней торговли [Торопыгин, 2012, с. 201–202]. Казахстан стал учредителем Совещания по укреплению мер доверия в Азии. Авторитет в мире завоевала ШОС (ведущая роль России и КНР). Новыми членами ШОС стали Индия и Пакистан; планирует вступить Иран. Россия, Китай и Индия участвуют в работе БРИКС. Китай и Россия работают в формате АТЭС и АСЕАН. 5–6 августа 2015 г. в Малайзии проведено министерское совещание Россия – АСЕАН.

«Мягкая сила» как элемент потенциала интеграционной политики

Изучение *показателей «мягкой силы»* как невооруженного влияния на формирование имиджа страны (интеграционного объединения) с помощью политики и культуры началось недавно. В перспективе будет разработан комплексный индекс. Сейчас специалисты оценивают множество показателей использования культурного потенциала, в том числе с применением современных информационных ресурсов [Soft Power, 2015]. К «мягкой силе» относят также информационное оружие («мягкая сила 2.0»). Чтобы «мягкая сила» не становилась инструментом вмешательства во внутренние дела государств, она должна опираться на ценности культуры и моральный авторитет [Kearn, 2011, p. 66].

Так, разработан рейтинг e-Diplomacy, оценивающий эффективность влияния государств на общественное мнение с использованием Интернет-сервисов [Bryant, 2012]. Публиковались карты активности в различных электронных сетях официальных лиц, дипломатов, мыслителей, активистов [E-Diplomacy, 2012]. С учетом такого индекса вне конкурса остается дипломатия США, но высоко

оценивается также Индия. Россия претендует на вхождение в первую десятку [Смирнов, Кохтюлина, 2012, с. 35]. Китай также повышает свой рейтинг. Проблемы «Экономического пояса» активно освещают в России – Kremlin Russia, Канал Россия-24 (программа «Путь»), Rosgranitsa.ru, РИА-новости, ТАСС, Российский Совет по международным делам (РСМД), Российская газета. В Китае это агентство Синьхуа, в том числе russian.china.org, газеты «Жэньминь жибао», «Тумэньцзян», i-news.kz, nur.kz; в Казахстане – «Казахстанская правда», «Эксперт Казахстана» и др.

«Мягкая сила», используемая Китаем, обладает азиатской спецификой, опирается на постулаты даосизма и конфуцианства, где мягкость считается не слабостью, а силой власти [Капицын, 2010]. В отличие от «мягкой силы» Запада, обращенной к «недовольным», она обращена к «довольным», не направляется на разжигание политических конфликтов, дестабилизацию политической системы других государств [Смирнов, Кохтюлина, 2012, с. 33; Цзайци Лю, 2009, с. 150]. Тех же принципов придерживаются Россия, Индия, Казахстан, Белоруссия. Эта специфика находит отражение в публичной дипломатии. В ряде стран работают институты Конфуция, которые помогают изучать язык и культуру Китая; действуют образовательные программы китайских университетов; происходит обмен студентами и преподавателями; изучаются русский язык и языки народов ЦА; развивается культурный и оздоровительный туризм; активен портал государственных органов КНР (на русском и языках ЦА) [Кривохиж, 2012]. «Экономический пояс» и стратегия «Один пояс, один путь» дали толчок наращиванию лингвистической стратегии КНР: прилагаются дополнительные усилия в изучении языков (диалектов) 29 государств (около 1 тыс. языков и диалектов), расположенных в русле интеграционных стратегий «Нового Шёлкового пути», наряду с языками и диалектами народов Китая [Завьялова, 2015].

Выводы

1. Опыт вышеназванных государств показывает значение сильного суверенитета государств. Он контрастирует с богатым опытом высокоуровневой интеграции ЕС, существенно ограничивающего суверенитет государств. ЕС, при всех несомненных его

достижениях, демонстрирует (по мере его расширения) снижение потенциала интеграции. Налицо (особенно в 2015 г.) стремление государств расширить свой суверенитет. Проект «Экономического пояса» не претендует на высокие уровни интеграции, что обещает более простую его реализацию и соответствующее преимущество.

2. Представляется, что «Экономический пояс» поможет решать и еще одну проблему. Усиливается борьба за ресурсы между интеграционными сообществами, что усугубило, например, ситуацию в Молдавии и Украине. «Экономический пояс» как широкое региональное интеграционное образование, не ограничивающее государственный суверенитет, стимулирующее «горизонтальные» трансграничные «анархии» и умеренные «вертикальные» регуляции, имеет значение не только для решения задач экономики, культуры и безопасности. Его реализация поможет снижать накал борьбы между высокоуровневыми интеграциями ЕС и ЕАЭС, ослабить противостояние России и ЕС.

3. Продвижение «Экономического пояса» в немалой степени зависит от консолидации обществ в данных государствах и нейтрализации, с одной стороны, сепаратистских и экстремистских движений, с другой – флуктуаций «цветных» революций. Сохраняется значение государственного суверенитета в «многосоставных» государствах. Проявляется определенное авторитарное сходство политических режимов на «северном» маршруте. Актуализируется проблема политической воли как составной части «вертикальной» регуляции в реализации данного проекта («сила согласованности» элиты) как важного компонента потенциала интеграционной политики. В то же время данный проект будет способствовать открытости государств к обмену товарами и идеями, развитию образования, туризма, международного научного и культурного сотрудничества.

4. Развитие транспортных путей открывает огромный потенциал интеграционной политики КНР, государств ЦА и России. С точки зрения безопасности, освоенности маршрутов, опыта интеграции, уровня двухсторонних и многосторонних отношений, геополитического «ландшафта», более реализуемым представляется «северный» маршрут «Экономического пояса». В целом «Экономический пояс» по показателю обеспечения безопасности более перспективен, чем проект «Морской Шёлковый путь».

5. Разработка комплексного индекса потенциала интеграционной политики государств на траектории Шёлкового пути – бла-

годатное направление междисциплинарных и политологических исследований. Представленные индексы требуют дальнейшей проработки с помощью корреляционного и дискриминантного анализа, чтобы определить релевантность и вес каждой представленной перемены.

Список литературы

- Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных объединений мира. – М.: Евразийская экономическая политика, 2014. – 33 с.
- Бейлз К.* Одноразовые люди. Новое рабство в глобальной экономике. – М.: Новый хронограф, 2006. – 304 с.
- Веретевская А.В.* Модели моделирования наций в условиях полиэтничности // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. – М., 2010. – № 1. – С. 146–160.
- Верхотуров Д.* Китай создает Новый Шелковый путь // Эксперт. – Казахстан, 2007. – № 21 (123). – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1181133540> (Дата посещения: 30.08.2015).
- Военная доктрина Республики Казахстан. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан 11 октября 2011 г. № 611 // ЦентрАзия. – 2011. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/cnt2.php?st=1321351920> (Дата посещения: 30.08.2015.)
- Жанкубаев Б.А.* Исследование рейтинга административных барьеров среди предприятий малого и среднего бизнеса // Теория и практика инновационного менеджмента: отечественный и зарубежный опыт. – 2013. – Режим доступа: <http://articlekz.com/article/6267> (Дата посещения: 28.08.2015.)
- Завьялова О.И.* Лингвистическая стратегия Китая / Институт Дальнего Востока; Российская академия наук. – 2015. – 16 с. – Режим доступа: http://www.ifes-gas.ru/attaches/books_texts/Zavyalova_Language_situation_in_PRC.pdf (Дата посещения: 21.09.2015.)
- Захарова Л.* Чэнду теперь рядом. Россия и Китай. Преодолевая границы // Российская газета. – 2015. – 8 мая.
- Капица Л.М.* Индикаторы мирового развития. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2008. – 352 с.
- Капицын В.М.* Космополитизм как компонент «мягкой» силы и глобального управления // Обозреватель = Observer. – 2010. – № 10. – С. 70–79.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. – М.: Наука, 2000. – 606 с.
- Кравченко Л.И.* Шёлковый путь в контексте российских национальных интересов // Rusrand – 2015. – Июль. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/actuals/shelkovyy-putv-kontekste-rossiyskih-nacionalnyh-interesov> (Дата посещения: 15.07.2015.)

- Кривохиж С.В.* «Мягкая» сила и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. – 2012. – Сентябрь. – С. 103–112.
- Лебедев А.* Начало реализации проекта «Новый Шелковый путь» // Информационное агентство «РЖД – Партнер. Ру». – 2015. – 27 июля. – Режим доступа: <http://www.rzd-partner.ru/news/zheleznodorozhnaia-infrastruktura/nachalo-realizatsii-proekta--novyi-shelkovyi-put/> (Дата посещения: 27.07.2015.).
- Мельвиль А.Ю.* Россия в мировых рейтингах: перезагрузка // Эксперт. – 2006. – № 43(537). – С. 24–39.
- Найденов А.С., Кривенко И.А.* Влияние административных барьеров и институциональной среды на динамику теневого сектора // Вестник Томского университета. – 2013. – № 377. – С. 117–122.
- Нурулла-Ходжаева Н.Т.* Община в Центральной Азии (диалектика традиции и модернизации в начале XXI в.) – М.: МГУКИ, 2012. – 369 с.
- Пак Чан Кю.* Община в Азии (типологические характеристики общинных структур Китайской народной республики, Республики Кореи и Республики Узбекистан): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ, 1998. – 24 с.
- Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / Рук. научного коллектива А.Ю. Мельвиль. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2007. – 272 с.
- Портяков В.Я.* К вопросу о комплексной мощи Китая: подходы к оценке, структура, динамика, перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – М.: ИДВ РАН, 2014. – Вып. 19. – С. 6–21.
- Си Цзиньпин.* Всестороннее углубление реформ. – Пекин, 2014. – 350 с.
- Смирнов А.И., Кохтулина И.Н.* Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. – М.: ВНИИГеосистем, 2012. – 276 с.
- Торопыгин А.В.* Великий Шёлковый путь. Перезагрузка // Евразийская интеграция: 2012. Экономика, право, политика. – 2012. – № 11. – С. 188–214.
- Ханн К.* Отношения собственности в постсоциалистических обществах // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – Т. 5. – № 2. – С. 151–172.
- Цзайци Лю.* «Мягкая сила в стратегии развития Китая // Полис. – 2009. – № 4. – С. 149–155.
- Шаклеина Т.А.* Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. – 2011. – Т. 9. – № 2. – С. 29–39.
- Soft Power. Мягкая сила. Мягкая власть: Междисциплинарный анализ / Сост. и ред. Е.Г. Борисова. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 184 с.
- Bryant N.* E-diplomacy: Foreign policy in 140 characters // BBC News. – 2012. – 18 July.
- E-Diplomacy in action? Whatever will they think of next? // Afritorial. – 2012. – 24 June.
- Giddens A.* The Consequences of modernity. – Cambridge, MA: Polity press, 1990. – 188 p.
- Kearn L.W.* The hard truths about soft power // Journal of political power. – 2011. – Vol. 4, N 1. – P. 65–85.

- Meurs M.* The evolution of Agrarian institutions. – Ann Arbor, MI: Univ. of Michigan press, 2001. – 131 p.
- Millward J.* Eurasian crossroad. A history of Xinjiang. – N.Y.: Columbia univ. press, 2007. – 440 p.
- Min Shu.* Balancing in a Hierarchical system: Pre-colonial Southeast Asia and the tribute system // Waseda global forum. – 2011. – N 8. – P. 227–256.
- Reid A.* Global and local in Southeast Asia // International journal of Asian studies. – Cambridge, 2004. – Vol. 1, N 1. – P. 5–21.
- Singh S.M.* Strengthening the combat arm // India's war on terror / Ed. by G. Kanwal, N. Manoharan. – Delhi, 2010. – 296 p.